

«ТЕПЕРЬ Я ПОНИМАЮ, ОТЕЦ...»

(Из беседы с Валерием Мулявиным)

Валерий, сын Владимира Георгиевича Мулявина, начал свое повествование просто с «мулек». Чувство юмора – это у них семейное. Сегодня уже тридцатитрехлетний, спортивного телосложения деловой человек со всевозможными гаджетами в руках, Валерий, улыбаясь, неожиданно для меня заявил:

– Не поверите, но я – человек... в футляре. Или из футляра? Шучу, конечно. Просто бывало, что не раз лежал за кулисами концертных залов в гитарном футляре еще с соской. Отец находился в это время на сцене, мама следила за ходом программы, решала какие-то насущные вопросы – ведь она работала в ансамбле «Песняры» помощником художественного руководителя. Так что нянчили меня все, кто в те минуты был свободен. Разумеется, я всего этого не помню, но ссылаюсь на рассказы родителей. Может быть, потому и избрал для себя такой же беспокойный рабочий ритм: командировки, переговоры, концерты, ледовые шоу, кастинги артистов, фигуристов, реклама и т.д.

Но вернусь в счастливые беззаботные времена, в те годы, когда я с друзьями гонял по дворовому асфальту мячи с автографами всех игроков футбольной команды минского «Динамо», подаренные отцу. Кожаные покрышки на них почему-то у меня очень быстро стирались, и папа приносил новые, подписанные игроками мячи. Он был настоящим футбольным фанатом, дружил с «динамовцами», ходил на матчи и брал маму с собой «поболеть». Ну а уже когда чемпионаты мира транслировались, так от телевизора нас с отцом невозможно было оторвать.

Болел он самоотверженно, прежде всего за сборную СССР, как говорят, нутром, искренне переживая за спортсменов. А истинными мастерами футбола считал команду Бразилии, лучшим игроком мира для него был Пеле.

Но расскажу о том, что в нашей с ним спортивной жизни так и не осуществилось. У нас с отцом была договоренность, что он меня научит водить автомобиль. Еще мальчишкой, сидя в машине у него на коленях, я «рулил», хоть ноги до педалей и не доставали. Позже слово он свое сдержал. Но не получилось сдержать у меня. А сам отец очень хотел научиться кататься на велосипеде, так как у него это никогда не получалось. Вроде футбол, ролики, плавание, машина, еще бильярд – все прекрасно, а вот велосипед... Что касается роликов, то он превосходно ими

С сыном Валерием. 1994 г.

Первое путешествие через океан на фестиваль в Аризону. 1994 г.

владел, так как гонял когда-то по Свердловску на коньках. Мы с ним вечерами, если они у него были свободны, всегда катались по близлежащим улицам. Народ, конечно, оборачивался, но так как у нас люди воспитанные, то тактично делали вид, что тут не заслуженный кто-то катается, а просто отец с сыном. Безусловно, перепутать папу с кем-нибудь было невозможно, да и многие знали, где мы живем. Когда мы были в загранпоездках, обязательно покупали новые ролики и экипировку к ним. Так что катались мы с папой и в Италии, и во Франции. В Париже, помню, нарезали круги вокруг Эйфелевой башни.

Во время той поездки мы пошли в Лувр. Настолько большой и замечательный музей, что все, безусловно, увидеть было невозможно, но мы его пробежали за сутки. Отец очень любил импрессионистов и подолгу стоял перед их работами. Посетили мы и зал с «Моной Лизой». А мама, которая еще раньше, когда была на съемках в Париже, видела этот портрет, просила: «Володя, обязательно посмотри, у нее так глаза красиво нарисованы! Просто фантастика!» На что папа выкинул «мульку»: «Подожди-подожди, я же не офтальмолог, чтобы смотреть ей в глаза...» Хорошо помню, что мы потом вышли в музейный дворик с фонтанчиками, где много людей, а как раз над нами пролетел голубь и немножко «окропил» папу. Мама подбежала и начала водой из фонтанчика замывать отметину, но в итоге все размазала. Папа был очень зол на маму за ее «помощь», так как пятно растеклось еще больше.

Вообще-то отец был неконфликтным человеком. Если его уже слишком доставали в разговоре или развивалась какая-то неприятная ему тема, он просто отшучивался. Самое большое,

что он мог сделать обидчику,— не мстить, никогда на подлость подлостью не отвечать, чего не каждый мог понять. И в последние его месяцы, трагические, на больничной койке, когда отец терпел невероятную физическую боль (даже врачи удивлялись мужеству папы, потому что многие подобных мучений не выдерживали, ломались), он учил меня стойкости. В лечкомиссии в Минске он никогда не выезжал на прогулки без меня, всегда ждал. Это был единственный момент, когда мы могли поговорить, оставшись наедине. Даже лечащий врач отходил в сторону. А папа, когда я слишком уж быстро вел коляску по дворику, всегда тихо предупреждал: «Не гони...» Такого дворика в Москве уже не было.

ая прогулка. Париж, Франция. 1997 г.

Но был госпиталь имени Бурденко, где отца пытались поставить на ноги. И здесь он говорил мне: «Сынок, все впереди, все в порядке, а восстановление, оно, видимо, не очень быстрое, но я встану, и все будет нормально». То есть никакого уныния. Наоборот, подбадривал и жил будущим, а не прошлым, что вот, мол, все закончилось на этой аварии. Строил планы, как жить дальше, думал о нереализованных программах. Говорил мне: «Учись, общайся с людьми — и в данной ситуации тебе помогут». Верил... А может быть, и не знал какие-то нюансы своего диагноза? Кроме непрекращающейся физической борьбы с адской болью, шло психологическое сражение отца с собственным организмом.

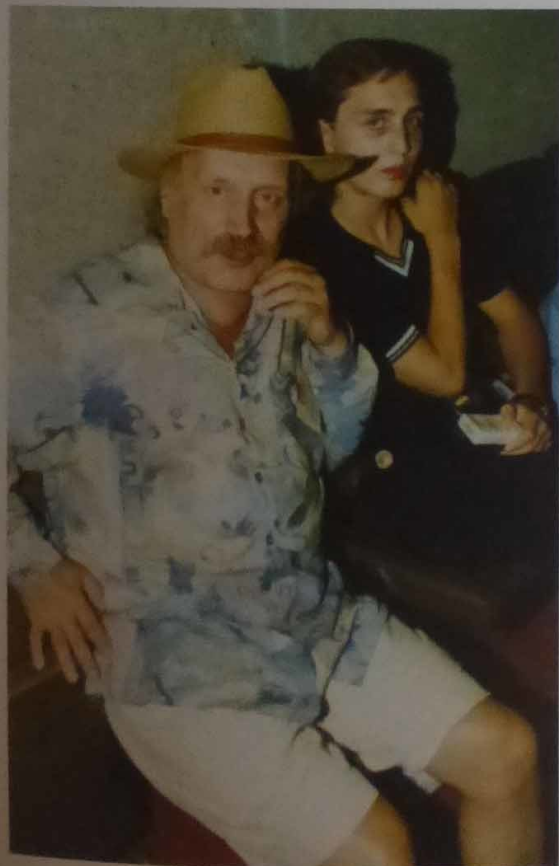
Теперь, когда «большое видится на расстоянии», понимаю, что характер Песняра отец ковал и в этом случае, будучи физически беспомощным, опираясь на силу воли тех своих предшественников, тех великих духом Песняров, каждый из которых прошел через трагизм уготованных им судеб. И он победил, уходя в Вечность...

Раньше я просто наблюдал папину работу на сцене и за ее пределами, а после его ухода вижу его творчество, его музыку. И в данный момент начинаю именно прислушиваться к ней. Когда был жив отец, я «Песняров» вообще не слушал, может быть, от переизбытка «слушанья» на гастролях, на которые с ними ездил. А там все просили исполнять одни и те же хиты — «Александрыну», «Завушніцы» и т.д. Они — как для моего засыпания, когда приходилось укладывать меня, тогда еще ребенка, на три стула или стол за кулисами. Я не поклонник этих песен, скажу честно, до сих пор не люблю их слушать. А сейчас, со временем, мне очень нравятся «Крик птицы», папины песни периода «Лявонаў» и ранних «Песняров». Это настолько такая хипповая, современная музыка, что молодые ребята сегодня говорят: даже аранжировки менять не нужно. Слушаю

кое-что из Маяковского, то, что сейчас не исполняется обычно. Конечно же, программу кам, музыке, ритмам и стихам. И будет актуальна по всем параметрам: по аранжировкам, музыке, ритмам и стихам. И будет актуальна по определению — как память и боль поколений. Папа тогда отбирал стихи для создания программы по главному критерию: должны лечь на музыку только строки поэтов-фронтовиков. Он четко из этого исходил. Помню, отец рассказывал, как на худсовете ему задали вопрос, что, мол, это за вымысел: «...и выковыривал из-под ногтей я кровь чужую»? Такого, мол, быть не могло. Но поверили, когда он принял бой с сомневающимися и убедил их, что это, пусть и жестокая, но — правда. Вот она, квинтэссенция того, что он вложил в меня без всяких нравоучений и морали, показывая своим примером. Будучи рядом, я просто смотрел и впитывал все.

Сверяюсь ли я с ним сегодня? Есть такие ситуации, в которых, бывает, не знаю, как себя вести, и мысленно погружаю отца в эту ситуацию, анализирую, как сделал бы он. Иногда даже опираюсь на папин жизненный опыт. Что касается моего соприкосновения с тем же искусством, то смотрю на творчество через призму отцовского вкуса. Помню, мы с ним ходили слушать концерт симфонической музыки. Как восторгался отец живым звучанием! Еще оркестр настраивался, а папа мне сказал: «Ты бы знал, сынок, каким потрясением для меня было, когда я впервые услышал живую увертюру к опере «Кармен». Слушай, сынок, ведь эти мгновения повторить уже нельзя...» Как-то я наблюдал за тем, как папа, сочиняя, наигрывал какую-то мелодию и говорил сам себе вслух: «Какая хорошая мелодия и так легко рождается... Что-то знакомое, где-то я ее уже слышал... Вот тебе раз, так это же я сам у себя украл...»

Мой музыкальный вкус? Здесь, конечно же, отец его воспитал, потому что аудиотека у меня была замечательная. Первый раз в восьмилетнем возрасте я попросил его

«Славянский базар в Витебске». 1999 г.

В гостях у Валерия Янкловича, слушаю его воспоминания о Высоцком. Нью-Йорк. 2001 г.

Фестиваль «Бархатный сезон».
Пересечение
Босфорского пролива.
1996 г.

записать мне группу «Queen». Любовь моя к «The Beatles», к Чайковскому привита им: он эту музыку часто слушал, а я, даже как бы и не подключаясь к процессу, все же подсознательно усваивал то, что звучало. Папа никогда не заставлял что-либо делать. У нас слово «насилие» даже не произносилось. Но в музыкальной школе я обязан был трудиться. Да, был момент, когда я не хотел там продолжать учебу, но отец настоял: «Ты сейчас потерпи, чтобы со временем не сожалеть, если откажешься». И он был прав: теперь я действительно не сожалею, что занимался музыкой (фортепиано) в свое время. А после уроков отец учил меня игре на гитаре. Он был замечательным мастером. Об этом мало кто знает, но отец был одним из самых лучших гитаристов в Союзе. У него, у одного из первых музыкантов в Беларуси, появилась электрогитара. Бывало, он все личные средства во время поездки за границу тратил на качественные инструменты, как, впрочем, и некоторые ребята из ансамбля «Песняры».

Понятно, что бытовые условия на гастролях далеко не всегда были комфортными. А иногда даже суровыми. С самолета на поезд, с поезда на машине по несколько часов куда-то добираться... Я с отцом был практически на всех гастролях, кроме Африки, Монголии и Северной Кореи.

26 Как-то «Песняры» с Игорем Михайловичем Лученком собрались ехать на концерт в Мурманск, как раз во время полярной ночи. До сих пор у нас дома хранится моя символическая награда за пересечение Полярного круга: тельняшка, бушлат и медаль. Это я к чему? Мы остановились в «уникальной» гостинице, проект которой разрабатывался, скорее, для Ялты, но никак не годился для Мурманска. Не поверите, но окна там были установлены... от пола до потолка! Сплошное стекло и бетон. И когда я ночью просто околел и покрылся инеем, то прибежал к родителям и просил: «Папа, дай шубу!» — еще маленьким был. Проснулся я между ними уже в шубе, а внутри комнаты на подоконниках лежал снег. Но мои закаленные в гастрольных водоворотках родители отнеслись к этому с юмором.

Отец никогда не кичился своими званиями и наградами. Но популярность Мулявина была безмерной, что иногда мешало ему побыть, как говорят, «наедине с собой». Собственно, это удел знаменитостей, которым поклонники не дают проходу. Как-то решили семьей совершить дальнейшее путешествие, отдохнуть в объятых теплого климата, и особенно хотелось искупаться в Тихом океане. Путевки на остров Бали, который сегодня посещает множество

туристов из постсоветских стран, в девяностые годы были экзотикой. Вылетели в Индонезию мы самым первым чартерным рейсом из Москвы. Бали еще не был избалован русскими туристами. Утром отец выходит на балкон, говорит: «Прекрасно, океан... пальмы... и никто меня среди интуристов не знает, отдохну хотя бы...» А под балконом, скажем так, определенного контингента люди стоят, все в татуировках. Увидев папу, кто-то из них крикнул: «Володя, давай спускайся, в волейбол поиграем!» Папа в шоке: «Ну просто замечательно, вот тебе и первая поездка, где не ожидали встретить русских, особенно в первый день и в первый час выхода на улицу». Но если мы отдыхали, то это не означало, что у отца не было какого-нибудь томика стихов или нотной тетради.

Сейчас я взрослый человек и понимаю, сколько трудился Владимир Мулявин над тем, чтобы вырасти до Песняра. Понимаю и то, как напивался он национальными литературными «крыніцамі», чтобы не расплескать в своем творчестве главное: душу народную. Он сверял себя с ней. Ведь в этом и есть смысл его служения людям. Этот смысл заложен во всех созданных им программах. А в них — и великая программа его жизни, его миссия на земле.

Зал и зрители очень много для него значили. Просто выходить на сцену и отдавать себя всего публике было не так легко, как многим казалось. Это не только аплодисменты, банкеты и поклонники. В день у отца могло быть по две репетиции, записи, множество иных проблем, а вечером — концерт, где он выкладывался до последней капли пота. И, выжатый как лимон, говорил мне, когда я пытался его пожалеть: «Это работа, сынок, моя работа...»

...Отец, я понимаю теперь глубинный смысл купаловской «Малітвы», воплощенной тобой на сцене. Она — «за родны народ Беларусі». И — за меня.

2015

Атланта (США). 2001 г.